

**ЦИКЛИЧНОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНО-
ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
РОССИИ**

**THE CYCLICITY OF
NATIONAL-PATRIOTIC
IDENTITY IN RUSSIA IN
THE CONTEXT OF RUSSIA'S
HISTORICAL EXPERIENCE**

В. Н. Коновалов*

ORCID:0000-0002-2017-0504

Valery N. Konovalov*

** Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Целью исследования является изучение состояния и проблем формирования национально-патриотической идентичности в свете исторического опыта России.

Objective of the study is to study of the state and problems of the formation of national-patriotic identity in light of the historical experience of Russia

Методологическую базу исследования представляют философские, социологические и общенаучные концепции ведущих ученых в области гуманитарных наук, основанные на институциональном, символическом (политика памяти), культурно-повседневном (навыки, привычки), конфликтном подходах. Сравнительно-исторический метод важен для изучения различных вариантов анализа в западной историографии.

The research's methodological framework draws on philosophical, sociological, and general scientific concepts from leading scholars in the humanities, drawing on institutional, symbolic (memory politics), cultural-everyday (skills, habits), and conflict approaches. The comparative historical method is important for exploring various analytical approaches in Western historiography.

Результаты исследования национально-патриотической идентичности обнаруживают не линейную, а волнообразную, циклическую динамику, где фазы подражания Западу, самостановления «вне Запада» и его отрицания регулярно сменяют друг друга. Эти колебания сопряжены с незавершенностью проекта гражданской нации, что в равной мере отражается и в научной литературе, и в государственной доктрине.

Results of the study. National-patriotic identity exhibits not a linear but a wave-like, cyclical dynamic, where phases of imitation of the West, self-establishment “beyond the West” and its rejection regularly alternate. These fluctuations are linked to the incompleteness of the civic nation project, which is reflected equally in both scholarly literature and state doctrine.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ проблематики и тех успешных форм формирования российской гражданской идентичности, где управляют конфликтом без его сакрализации и не подменяют правовое равенство мобилизационным консенсусом. Требуется к себе теоретического внимания гиперболизация политического начала (в войне, «осажденной крепости», моральной исключительности), приводящей к сужению гражданского ядра. К управлению данными процессами необходимо подходить комплексно, то есть указывать на необходимость институциональной и культурной работы по инкорпорации прав и процедур в структуру «русской нации».

Ключевые слова: национальная идентичность, патриотизм, гражданская идентичность, российский ресентимент, нейтрализация и деполитизация

Prospects of the study. An in-depth analysis of the problems and successful forms of Russian civic identity formation, where conflict is managed without sacralizing it and legal equality is not replaced by mobilization consensus. Theoretical attention is required to the exaggeration of political principles (in war, “besieged fortress”, moral exceptionalism), which narrows the civic core.

The management of these processes requires a comprehensive approach, that is, emphasizing the need for institutional and cultural work to incorporate rights and procedures into the structure of the “Russian nation”.

Keywords: national identity, patriotism, civic identity, Russian resentment, neutralization and depoliticization

Введение

Современная Стратегия государственной национальной политики смещает акцент к общероссийской гражданской идентичности как целевой установке, но неизбежно наследует амбивалентности исторического развития.

Начиная с Указа Президента РФ № 1666 (2012)¹, затем в обновленной Стратегии государственной национальной политики до 2030 года (Указ № 911 от 19.12.2022) и в Стратегии до 2036 года (Указ № 858 от 25.11.2025)² государственная национальная политика декларирует формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление единства многонационального народа России (русской нации) как главные цели. Нормативный корпус этих документов увязывает гражданскую идентичность с:

- надэтническим политико-правовым статусом гражданина РФ;
- русским языком как языком межнационального общения и памяти;
- «традиционными духовно-нравственными ценностями» и историко-культурным наследием;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 / О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 17.12.2025).

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 17.12.2025).

- интеграцией мигрантов, профилактикой ксенофобии и межэтнической напряженности;
- практиками памяти и патриотического воспитания¹.

Стратегия стремится институционально конвертировать многообразие идентичностей в «надэтническую» гражданскую общность, избегая этнонациональной монополии. Вместе с тем в ней сохраняется диалектическое напряжение между гражданским и цивилизационно-державным измерениями: акцент на «уникальной цивилизации» и памяти о великих победах невольно поддерживает традицию державного патриотизма, подчас конкурирующую с нормами конституционного равенства и процедурного гражданства. Политика памяти и ценностей в итоге одновременно выполняет функции интеграции и мобилизации, что делает гражданскую идентичность не только правовым, но и символическим проектом с открытыми исходами.

Методология исследования

Как российская академическая литература описывает специфику идентификации и типы патриотизма? В гуманитарном поле сложилась широкая повестка, где процесс национальной идентификации рассматривается как:

- институциональный (формирование гражданско-правового сообщества, федерализм, политика языка (Миллер, 2016; Тишков, 2011));
- символический (политика памяти, каноны героизма (Гудков*, 2017; Малинова, 2015; Дубин, 2001));
- культурно-повседневный (навыки, привычки участия и доверия (Хархордин, 2011));
- конфликтный (границы «мы/они», ксенофобия и этнополитика (Абашин, 2007; Пайн, 2004)).

На уровне типологий патриотизма выделяются как минимум следующие версии:

- конституционный (гражданский) патриотизм: лояльность институтам и правам личности; в России часто носит «проектный» характер и слабо укоренен в массовых практиках;
- державный (имперский) патриотизм: гордость державным статусом, силовой суверенитет и миссионизм; имеет мощную историческую легитимацию и поддерживается ритуалами памяти;
- культурно-исторический патриотизм: привязанность к языку, литературе, «большой культуре»;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 / О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 17.12.2025).

* Иноагент, признанный Минюстом РФ 14.02.2025 г. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50556/> (дата обращения: 17.12.2025).

- этнокультурный (русский) патриотизм: акцент на русскости как ядре; колеблется от инклюзивных до этноцентристских трактовок;
- религиозно-конфессиональный («православие как идентичность»), иногда с синтезом «Святая Русь/державность»;
- мобилизационный (военно-охранительный): «осажденная крепость», дисциплина и жертва;
- «критический» патриотизм: лояльность стране при сохранении права на критику власти;
- потребительско-патерналистский: ожидаемая забота государства в обмен на лояльность.

Ключевой диагноз ряда социологов (Л. Гудков* и др.) — преобладание «негативной идентичности»: самописание через противопоставление внешнему и внутреннему «другому» («мы — не они»), компенсирующее опыт уязвленного достоинства и исторических травм.

Западная историография предлагает другие варианты анализа. Так, Лия Гринфельд рассуждает о двух типах национализма и российском пути. В книге «Национализм. Пять путей к современности» Гринфельд сопоставляет индивидуалистический (*civic*) и коллективистский (*authoritarian*) типы национализма. Англия и США выступают как индивидуалистические модели с открытым гражданством и приоритетом личной свободы; Германия и Россия — как коллективистские, в которых нации приписывается органическое единство, иерархичность и миссия, а личное подчиняется целому; Франция занимает промежуточную позицию с сильной ролью государства и гражданской равенственности (Гринфельд, 2008. С. 18).

Основные проблемы становления национальной идентичности

Российская траектория, по мнению западных экспертов, вырастает из «поздней модернизации» и статусного ресентимента: усвоение идеи нации происходит под давлением сравнений с более успешными западными образцами, что порождает смесь восхищения и обиды. Результат — склонность к авторитарной коллективистской конфигурации: национальная идея консолидирует общество через миссию и мобилизацию, а не через контракт и права. Эта логика периодически смягчается волнами реформ и «европеизации», но снова возвращается в моменты внешней угрозы и внутренних кризисов (Гринфельд, 2008. С. 244).

Можно привести примеры циклической повторяемости становления национальной идентичности в XVIII веке, которая удивительным образом себя воспроизводила на протяжении следующих трех столетий.

Здание русской идентичности возводилось на трех опорных основаниях: Запад как образец; Россия — это не Запад; отрицание Запада. На первом этапе превалировала мысль — стать похожими на Запад. Господствовала

оптимистическая вера в то, что Россия достигнет этой цели достаточно легко, и многие креаторы национального сознания в XVIII веке призывали к западному выбору развития. Но после ряда неудачных попыток «догнать и перегнать» стало утверждаться понимание того, что Запад не Россия, у России свой собственный неповторимый путь развития. В общественной мысли стал укрепляться принцип культурного релятивизма.

Третьей опорой национальной идентичности, наиболее «железобетонной», стало отрицание Запада. Борьба с Западом взяла на себя главную роль в закладывании основы национальной идентичности и продолжает быть институтирующим фактором.

Россия является примером того, что формирование национальной идентичности определяется ресентиментом. Понятие ресентимента (в традиции Ницше — Шелера; в России разработано, среди прочих, Л. Гудковым*) помогает объяснить устойчивость трех опор российских самоописаний:

- Запад как образец: заимствование институтов и технологий, задание мерила «нормальности»;
- Россия — не Запад: артикуляция собственной цивилизационной особенности и инаковости;
- отрицание Запада: морально-политическое дистанцирование и переоценка собственной исключительности.

Эти три опоры не взаимоисключают, а сосуществуют, сдвигая баланс в разные эпохи. В современной России ресентимент подпитывается памятью о национальных унижениях и угрозах (распад СССР, санкционное давление, военные конфликты), усиливая негативные формы идентичности и спрос на мобилизационный патриотизм. Одновременно сохраняется прагматическая ориентация на западные стандарты эффективности и потребления, что поддерживает первую опору, пусть и с оговорками.

Цикличность хорошо прослеживается на трех исторических витках.

XVIII век: петровская европеизация, рационализация управления, культурная «перестройка» элиты закрепляют «Запад как образец». К примеру, Л. Гринфельд отмечает в своем труде, что колоссальное значение имело «введение в язык петровских указов таких понятий, как “отечество”, “отчизна” (fatherland). Эти понятия часто появляются вместе со словом “народ” (people), у которого есть несколько значений. Однако именно слово “народ” стало наиболее точным русским синонимом слова “нация”. Идея отечества способствовала формированию и выражению личного патриотизма», что в предшествующий период у подданных российской империи совсем не наблюдалось (Гринфельд, 2008. С. 217).

При Екатерине II — синтез просвещенного абсолютизма с имперской экспансией; к концу столетия растет настороженность к «чуждой» революции, намечая переход к идее «Россия — не Запад». Это предвосхищает фазы

«отрицания Запада» и обосновывает самостоятельный неповторимый путь развития. В общественной мысли стал укрепляться принцип культурного релятивизма.

XIX век: после 1812 года и восстания декабристов формируется государственная доктрина «Православие, самодержавие, народность» (С. Уваров) — институционализация державного патриотизма. Poleмика западников и славянофилов оформляет стадию «Россия — не Запад». Для характеристики XIX столетия с точки зрения проявления особенностей российской национальной идентичности можно привести рассуждения многих сторонников «русской идеи». Н. Я. Данилевский в «России и Европе» предлагает теорию культурно-исторических типов: Европа и Россия — разные цивилизационные миры; автор хорошо продемонстрировал национально-патриотический переход от чувства обиды к чувству гнева и затем вражды, ненависти к Европе. Автор старался развить и дополнить «указаниями на главные стороны различия между славянским и германо-романским культурно-историческими типами и на гибельные следствия, к которым привело нас это западничество, или европейничанье, на практике, составив ту болезнь, которой страдает русское общественное тело, — болезнь, под которую подводятся все наши общественные недуги» (Данилевский, 2011. С. 564).

Конец века приносит новый спор между модернизацией (реформы Витте, индустриализация) и панславистским/охранительным курсом; цикл вновь расщепляется на конкурирующие логики.

Рубеж XX–XXI веков: после 1990-х — поворот к суверенизации и «сильному государству», попытка теоретизировать «российскую нацию» как гражданскую общность (политика 2010-х), но параллельно — укрепление державной, цивилизационной риторики и политики памяти.

Что касается 90-х годов XX века, то переход от плановой экономики к рыночному обществу представлялся как превращение России в «нормальную» страну, как переход к тем отношениям, которые являются «естественными» для всякого «нормального, т. е. капиталистического общества». Такая политика должна приблизить Россию к идеальному прообразу западного общества.

2014 год усиливает мобилизационный патриотизм и негативную идентичность, 2020-е институционализируют «традиционные ценности» и «цивилизационную» самоидентификацию. При этом Стратегия продолжает продвигать гражданское ядро, развивая образование, добровольчество и интеграционные практики. Налицо незавершенность: гражданская нация остается провозглашенной целью, но ее политико-правовые основы конкурируют с мобилизационно-символическими.

Во всех трех витках фазы европеизации рационально-правовые реформы не успевают институционально закрепиться настолько, чтобы стать необратимыми. Возвраты к мобилизационному патриотизму

и культурно-цивилизационным схемам происходят под воздействием внешних вызовов и внутренних кризисов доверия. Гражданская идентичность выступает «рамочным проектом» Стратегии, но без глубокой инкультурации прав, процедур и повседневного доверия к институтам она не вытесняет альтернативные матрицы лояльности — родо-этническую, конфессиональную, державную.

Чем закончилось стремление к «нормальности», можно определить по сегодняшней антизападной общественно-политической риторике. Противоречивость данного явления в российской истории, определенная цикличность свидетельствуют о незавершенности процессов национальной идентификации на пути формирования гражданской идентичности или гражданской нации, и те кризисы, к которым они приводят, будут постоянно воспроизводиться, пока эти процессы не будут «деполитизированы и нейтрализованы» (Шмитт, 2004).

Шмиттовские парадигмы нейтрализации и деполитизации обнаруживают свой резонанс в России. В эссе «Эпоха нейтрализации и деполитизации» Шмитт описывает смену «центральных сфер» европейской истории: от теологии (XVI век) к метафизике (XVII), морали и «человечности» (XVIII), экономике (XIX) и технике (XX), где каждая новая сфера обещает нейтрализацию конфликтов, но фактически воспроизводит различие «друг-враг» в новом регистре. Применение этого ракурса к России позволяет увидеть, как:

- просвещенный абсолютизм XVIII века стремился «нейтрализовать» политическое через рационализацию и службу;
- морально-гуманитарная критика и идеологии XIX века переносили конфликт в сферу цивилизационных миссий;
- советская модернизация XX века «экономизировала» и «технологизировала» политическое, но не сняла его;
- в XXI веке происходит реполитизация через ценности, безопасность и цивилизационные различия (Шмитт, 2004. С. 488–501).

Из шмиттовской оптики, российская гражданская идентичность успешна там, где управляет конфликтом без его сакрализации и не подменяет правовое равенство мобилизационным консенсусом. Там же, где политическое тотализируется (в войне, «осажденной крепости», моральной исключительности), гражданское ядро сужается.

Заключение

Мы приходим к выводу, согласно которому российская национально-патриотическая идентичность развивается циклично, колеблясь между подражанием Западу, утверждением различия и его отрицанием. Государственная стратегия нормативно фиксирует цель — общероссийскую гражданскую идентичность, — но историко-культурные инерции и эффект ресентимента

поддерживают конкуренцию моделей патриотизма, в которой державный и мобилизационный типы сохраняют ресурс преимущественной легитимации. Диагноз незавершенности не означает обреченности: он указывает на необходимость институциональной и культурной работы по инкорпорации прав и процедур в символическую ткань «российской нации», чтобы гражданская лояльность перестала быть только верхнеуровневым лозунгом и обрела устойчивость в повседневности.

Список источников

Абашии С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Абашии; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — СПб.: Алетейя, 2007. — 304 с. — ISBN 978-5-903354-28-3. — EDN QRHNRB.

Гринфельд Л. Национализм Пять путей к современности / Лия Гринфельд; Пер. с англ. Т. И. Грингольц, М. Р. Вирозуб. — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 527 с. — ISBN 978-5-9292-0164-6.

Гудков Л. Д. Россия — несвободная нация: социологические исследования последних 20 лет. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 464 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова; Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008 — 816 с. — ISBN 978-5-902725-25-1.

Дубин Б. В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии соврем. культуры / Борис Дубин. — М.: Новое лит. обозрение, 2001. — 412 с. — ISBN 5-86793-180-7.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности — М.: РОССПЭН, 2015. — 206 с. — ISBN 978-5-8243-1952-1.

Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. — СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2016. — 145 с. — ISBN 978-5-94380-208-9.

Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. с нем. К. А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 385–523.

References

Abashin, S. Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity. *Rossiyskaya akademiya nauk, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Sankt-Peterburg: Aleteyya = Russian Academy of Sciences, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Saint Petersburg: Aleteya Publishing House.* 2007; 304 p. ISBN 978-5-903354-28-3. (In Russ.)

Grinfeld L. Nationalism: Five Paths to Modernity. Trans. from English by T. I. Gringolts, M. R. Virozub. *Moskva: PER SE = Moscow: PER SE.* 2008; 527 p. ISBN 978-5-9292-0164-6. (In Russ.)

Gudkov L. D. Russia — an Unfree Nation: Sociological Research of the Last 20 Years. *Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie = Moscow: New literary review.* 2017; 464 p. (In Russ.)

Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Compiled and commented by Yu. A. Belov. Ed. by O. Platonov. *M.: Institut russkoj civilizacii = Moscow: Institute of Russian Civilization.* 2008; 816 p. ISBN 978-5-902725-25-1. (In Russ.)

Dubin B. V. Word — Letter — Literature: Essays on the Sociology of Modern Culture. *Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie = Moscow: New literary review.* 2001; 412 p. ISBN 5-86793-180-7. (In Russ.)

Malinova O. Yu. The Current Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity. *Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN.* 2015; 206 p. ISBN 978-5-8243-1952-1. (In Russ.)

Miller A. I. “Nation, or the Power of Myth: Empire and Nation-Building in Russia”. *Sankt-Peterburg: Evropejskij un-t v Sankt-Peterburge = Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.* 2016; 146 p. ISBN 978-5-94380-208-9. (In Russ.)

Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский национализм и его противники в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 280 с. — ISBN 5-98379-012-9.

Тишков В. А. Российская нация: генезис, становление, развитие. М.: ИЭА РАН, 2011. 264 с.

Хархордин О. В. Республика. Полная версия / Хархордин Олег. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 208 с. — ISBN 978-5-94380-322-2.

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. С. В. Оболенской. СПб.: Наука, 1999. 232 с.

Шмитт К. Понятие политического / Карл Шмитт; пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. — СПб.: Наука, 2016. — 568 с. — ISBN 978-5-02-038400-2.

Nitsche F. "On the Genealogy of Morality". Trans. from German by K. A. Svasyan. "Works: in 2 volumes". Vol. 2. *Moskva: Mysl' = Moscow: Thought*. 1990; 385–523. (In Russ.)

Pain E. A. Between Empire and Nation: Modernist Nationalism and Its Opponents in Russia. *Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie = Moscow: New literary review*. 2004; 280 p. ISBN 5-98379-012-9. (In Russ.)

Tishkov V. A. Russian Nation: Genesis, Formation, Development. *Moskva: IEA RAN = Moscow: IEA RAS*. 2011; 264 p. (In Russ.)

Kharkhordin O. V. The Republic of Coryphaeus: The Formation of the Russian Corporatocracy. *SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge = St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg*. 2011; 416 p. ISBN 978-5-94380-322-2. (In Russ.)

Scheler M. Resentment in the Structure of Morals. Trans. from German by S. V. Obolenskaya. *Sankt-Peterburg: Nauka = St. Petersburg: Science*. 1999; 232 p. (In Russ.)

Schmitt K. The Era of Neutralization and Depoliticization. Trans. from German by Yu. Korinets. The Concept of the Political. *Sankt-Peterburg: Nauka = St. Petersburg: Science*. 2004; 488–501. ISBN 978-5-02-038400-2. (In Russ.)

Для цитирования: Коновалов В. Н. Цикличность национально-патриотической идентичности в России в контексте исторического опыта России // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 1 (77). — С. 47–55. DOI 10.18522/2227-8656.2026.1.3 EDN GSTKXU

История статьи:

Поступила в редакцию — 24.12.2025

Одобрена после

рецензирования — 19.01.2026

Принята к публикации — 23.01.2026

Сведения об авторе

Коновалов Валерий Николаевич

Доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета SPIN-код: 2973-3870

AuthorID РИНЦ: 672312

kwn@sfnedu.ru

Information about author

Valery N. Konovalov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

WoS researcherID: A-5418-2017

kwn@sfnedu.ru